

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Platonov, S.

ex
SS

С. О. ПЛАТОНОВЪ.

КЪ ИСТОРИИ ОПРИЧНИНЫ

XVI ВѢКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Фонтанка, 95.

1897.

Ивлечено из Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, октябрь, 1897.

DK 106.5
P55

Надъ вопросомъ о томъ, что такое опричнина царя Іоанна Васильевича, много трудились ученые. Одинъ изъ нихъ справедливо и не безъ юмора замѣтилъ, что „учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ“. Въ самомъ дѣлѣ подлинныхъ документовъ по дѣлу учрежденія опричнины не сохранилось; официальная лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ кратко и не раскрываетъ смысла учрежденія; русскіе же люди XVI вѣка, говорившіе объ опричнинѣ, не объясняютъ ея хорошо и какъ будто не умѣютъ ее описать. И дьяку Ив. Тимошееву, и знатному князю И. М. Катыреву дѣло представляется такъ: въ ярости на своихъ подданныхъ Грозный раздѣлилъ государство на двѣ части; одну онъ далъ царю Симеону, другую взялъ себѣ и заповѣдалъ своей части „оную часть людей насиловать и смерти предавати“. Къ этому Тимошеевъ прибавляетъ, что вмѣсто „добромыслимыхъ вельможъ“, избитыхъ и изгнанныхъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ иностранцевъ и подпалъ подъ ихъ вліяніе до такой степени, что „вся внутренняя его въ руку варваръ быша“. Но мы знаемъ, что правленіе Симеона было кратковременнымъ и позднѣйшимъ эпизодомъ въ исторіи опричнины, что иностранцы, хотя и вѣдались въ опричнинѣ, однако не имѣли въ ней никакого значенія, и что показная цѣль учрежденія заключалась вовсе не въ томъ, чтобы насиловать и избивать подданныхъ государя, а въ томъ, чтобы „дворъ ему (государю) себѣ и на весь свой обиходъ учинити osobной“. Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго для сужденія о дѣлѣ, кромѣ краткой записи лѣтописца о началѣ опричнины да отдѣльныхъ упоминаній о ней въ документахъ, прямо къ ея учрежденію не относящихся. Остается широкое поле для догадокъ и домысловъ.

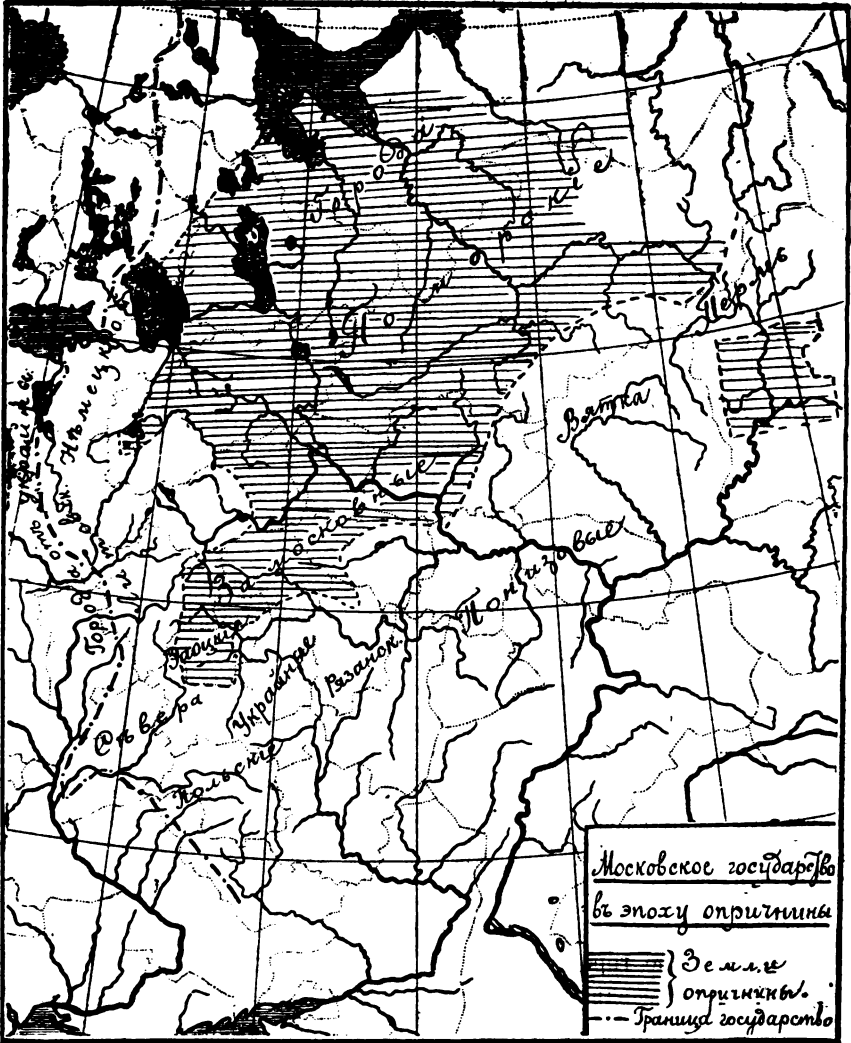
Конечно, легче всего объявить „негѣшимъ“ раздѣленіе государства на опричнину и земщину и объяснить его причудами робкаго тирана; такъ нѣкоторые и дѣлаютъ. Но не всѣхъ удовлетворяетъ столь простой взглядъ на дѣло. С. М. Солсвьевъ объяснял опричнину, какъ попытку Грознаго формально отдѣлиться отъ ненадежнаго въ его глазахъ боярскаго правительственнаго класса; устроенный съ такою цѣлью новый дворъ царя на дѣлѣ выродился въ орудіе террора, искажился въ сыскное учрежденіе по дѣламъ боярскаго и всякой иной измѣны. Такимъ именно сыскнымъ учрежденіемъ, „высшею полиціей по дѣламъ государственной измѣны“ представляетъ намъ опричнину В. О. Ключевскій. И другіе историки видятъ въ ней орудіе борьбы съ боярствомъ, и при томъ странное и неудачное. Только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ и С. М. Середонинъ склонны придавать опричнинѣ большой политическій смыслъ: они думаютъ, что опричнина направлялась противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества¹⁾. Однако такой, по нашему мнѣнію близкій къ истинѣ, взглядъ не раскрытъ съ желаемою полнотою, и это позволяетъ намъ остановиться на опричнинѣ съ надеждою дать нѣсколько новыхъ соображеній въ подкрѣпленіе и развитіе этого послѣдняго взгляда.

До нашего времени не сохранился подлинный указъ объ учрежденіи опричнины; но мы знаемъ о его существованіи изъ описи царскаго архива XVI вѣка и думаемъ, что въ Александроневской лѣтописи находится неполнѣе удачное и вразумительное его сокращеніе. По лѣтописи мы получаемъ лишь приблизительное понятіе о томъ, что представляла собою опричнина въ своемъ началѣ. Это не было только „наборъ особаго корпуса тѣлохранителей, въ родѣ турецкихъ янычаръ“, какъ выразился одинъ изъ позднѣйшихъ историковъ, а было нѣчто болѣе сложное. Учреждался особый государевъ дворъ, отдѣльно отъ стараго Московскаго двора. Въ немъ долженъ былъ быть особый дворецкій, особые казначеи и дѣяки, особые бояре и

¹⁾ Русск. Истор. Библиотека, III, 255.—С. М. Соловьевъ, Ист. Россія (компактное изданіе), II, 166—167.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русск. Исторія, II, 261—262.—Е. А. Бѣловъ, „Объ историч. значеніи русск. боярства“. С.-Пб. 1886, стр. 107 и слѣд. (также въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1886 годъ).—С. М. Середонинъ, Сочиненіе Джильса Флетчера. С.-Пб. 1891, стр. 91.—В. О. Ключевскій, Боярская дума. М. 1882, стр. 348—349.

окольныхъ, придворные и служилые люди, наконецъ, особая дворня на всякаго рода „дворцахъ“: сытномъ, кормовомъ, хлѣбномъ и т. д. Для содержанія всего этого люда взяты были города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Они образовали территорію опричнины черезполосно съ землями, оставленными въ старомъ порядкѣ управления и получившими имя „земщины“. Первоначальный объемъ этой территоріи, опредѣленный въ 1565 году, былъ въ послѣдующіе годы увеличенъ настолько, что охватилъ добрую половину государства. Сначала въ опричнину были взяты такъ называемые „Заоцкіе“ города: Козельскъ, Перемышль (два жеребья, остальное до времени оставалось, кажется, за княземъ М. И. Воротынскимъ), Бѣлевъ, Лихвинъ, Медынь, Опаковъ на Угрѣ и сосѣдніе съ ними городки Ярославецъ Малый и Вышегородъ на рѣкѣ Протвѣ, также волости и большія села въ тѣхъ же мѣстахъ: Товарково на Угрѣ, Суходровъ на рѣкѣ того-же имени, и др. Это былъ, можно сказать, сплошной округъ. Такими же сплошными округами можно считать Галичъ, взятый въ опричнину со всѣми пригородками, и Суздаль съ Шуею, съ Юрьевцомъ Поволжскимъ и съ Балахною. Когда, немного спустя, взята была въ опричнину Кострома съ уѣздомъ, то она соединила Галичкія и Суздальскія мѣста въ одно громадное пространство „оприщинныхъ“ земель. Далѣе, въ 1565 же году попали въ опричнину лучшія мѣста Поморья: Вологда, Тотьма, Устюгъ, Двина, Вага, Каргополь; взяты были города Можайскъ и Вязьма и нѣкоторыя мѣста въ Новгородскомъ краю: Старая Руса, Ладожскій порогъ на Волховѣ и рѣка Општа, впадающая съ юга въ Онежское озеро у истоковъ Свири. Наконецъ, къ новому дворцу были отдѣлены дворцовыя села и волости кругомъ Москвы и въ другихъ мѣстахъ: Гвездна, Пахра, Хотунь, Аргуново на Киржачѣ, „Числяки и Ординскія деревни“, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, Гусь на рѣкѣ Гусѣ и т. д. Если бы всѣ эти города и земли лежали въ одной межѣ, они составили бы цѣлое государство. Но ихъ все-таки оказалось мало. Устраивая опричнину, царь обѣщалъ, если ему „доходу не достанетъ на его государскій обиходъ,—и иные города и волости имати“; и онъ сдержалъ обѣщаніе. Въ 1566 году присоединена была къ опричинѣ волость Чаронда, также Соль Вычегодская, а съ нею и земли Строгановыхъ. Въ 1567 году взята была Кострома „всѣмъ городомъ“. Въ 1569 году вошелъ въ опричнину Симоновъ монастырь „со всею вотчиною“. Въ 1571 году, послѣ Новгородскаго погрома, Грозный прислалъ въ Новгородъ „оприщинныхъ“ дьяковъ, „да Торговую сторону взялъ въ опришную, двѣ пя-

тины, Обонѣскую да Бѣжицкую пятину, царь государь пожаловалъ. Всеми этими прибавленіями, насколько можно судить, дѣло не ограничивалось; у насъ есть полное основаніе думать, что къ новому „двору“

Грозного приписаны были Ярославль и Переяславль Залѣскій, взятые изъ земщины въ 70-хъ годахъ, также Ростовъ, Пошехонье и Дмитровъ (Дмитровъ, вѣроятно, послѣ казни князя Владимира Андрее-

вича, владѣвшаго имъ): три послѣдніе города опредѣленно названы „дворовыми“ въ 1577 году. Такимъ образомъ территория опричнины нарастала постепенно и, можно сказать, удвоилась (окончательные размѣры этой территоріи приблизительно опредѣляются прилагаемымъ чертежемъ) ¹⁾.

Для какихъ же надобностей давали ей такіе большіе размѣры? Нѣкоторый отвѣтъ на это предлагаетъ сама лѣтопись въ разказѣ о началѣ опричнины.

Во-первыхъ, царь заводилъ новое хозяйство въ опричномъ дворцѣ и бралъ къ нему, по обычаю, дворцовыя села и волости. Для самаго дворца первоначально выбрано было мѣсто въ Кремлѣ, снесены дворцовыя службы и взяты на государя погорѣвшія въ 1565 году усадьбы митрополита и князя Владимира Андреевича. Но почему-то Гроаный сталъ жить не въ Кремлѣ, а на Вадвиженкѣ, въ новомъ дворѣ, куда перешелъ въ 1567 году. Къ новому опричному дворцу приписаны были въ самой Москвѣ нѣкоторыя улицы и слободы, а сверхъ того дворцовыя волости и села подъ Москвою и вдали отъ нея. Мы не знаемъ, чѣмъ былъ обусловленъ выборъ въ опричину тѣхъ, а не иныхъ мѣстностей изъ общаго запаса собственно дворцовыхъ земель; мы не можемъ представить даже приблизительнаго перечня волостей, взятыхъ въ новый опричный дворецъ; но думаемъ, что такой перечень, если бы и былъ возможенъ, не имѣлъ бы особой важности. Во дворецъ, какъ объ этомъ можно догадываться, брали земли собственно дворцовыя въ мѣру хозяйственной надобности, для устройства различныхъ службъ и для

¹⁾ А. А. Э. I, № 289, стр. 349.—Доп. А. И. I, стр. 380—381.—Грам. Колл. Экономіи, Бѣлозерск. уѣздъ, № 118—819 (о Чарондѣ); за сообщеніе этой и нѣкоторыхъ другихъ грамотъ того же собранія искренно благодарю М. А. Дьяконова.—Доп. А. И. I, № 118.—Новгородскія Лѣтописи. С.-Пб. 1879, стр. 105.—Русск. Ист. Библ. III, ст. 255—256.—А. И. I, № 178.—Доп. А. И. I, № 225.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1892, май, стр. 170 (статья: „Какъ возникли чети?“). — Кромѣ волостей, помянутыхъ выше въ текстѣ, взяты были въ опричину, по лѣтописи, еще слѣдующія: Олешня (Можайск. уѣзда; см. Описаніе Док. и Бумагъ Арх. Мин. Юстиціи, I, № 1263; Доп. А. И. I, стр. 387). Муромское („Володиміръ съ Муромскимъ сельцомъ“: Доп. А. И. I, стр. 379; Опис. Док. и Бум. Арх. Юст., I, № 206), Кругъ Клиньскій, Всехунь, Прибужь (послѣднихъ навѣрняка не приурочиваемъ).—О переходѣ Ярославля, Переяславля и Дмитрова въ опричину ясно говорятъ акты князей Засѣвскихъ (А. Э. I, № 290; С. В. *Рождественскій*, Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, стр. 169—170); см. также „Сборникъ актовъ“ *Н. П. Лихачева*, С.-Пб. 1895, стр. 58, 63 (о Переяславлѣ).

жилицъ придворнаго штата, находящагося при исполненіи дворцовыхъ обязанностей.

Но такъ какъ этотъ придворный и вообще служилый штатъ требовалъ обезпеченія и земельного испомѣщенія, то, во-вторыхъ, кромѣ собственно дворцовыхъ земель, опричиннѣ были нужны земли вотчинныя и помѣстныя. Грозный въ данномъ случаѣ повторилъ то, что было сдѣлано имъ же самимъ за 15 лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1550 году онъ разомъ испомѣстилъ кругомъ Москвы „помѣщиковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ тысячу человекъ“. Теперь онъ также выбираетъ себѣ „князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ тысячу головъ“; но испомѣщаетъ ихъ не кругомъ Москвы, а въ другихъ такъ называемыхъ „Замосковныхъ“ уѣздахъ: Галицкомъ, Костромскомъ, Суздальскомъ, также въ Заозскихъ городахъ, а съ 1571 года. вѣроятно, и въ Новгородскихъ пятинахъ. Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ лѣтописи, онъ производитъ мѣну земель: „вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричиннѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ“. Надобно замѣтить, что нѣкоторыя грамоты безусловно подтверждаютъ это лѣтописное показаніе: вотчинники и помѣщики дѣйствительно лишались своихъ земель въ опричныхъ уѣздахъ и притомъ сразу всѣмъ уѣздомъ или, по ихъ словамъ, „съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ, — какъ государь взялъ городъ въ опришнину“. За взятія земли служилые люди вознаграждались другими, гдѣ государь пожалуетъ, или гдѣ сами приищутъ. Такимъ образомъ всякій уѣздъ, взятый въ опришнину съ служилыми землями, былъ осужденъ на коленную ломку. Землевладѣніе въ немъ подвергалось пересмотру и земли мѣняли владѣльцевъ, если только владѣльцы сами не становились опричниками. Можно, кажется, не сомнѣваться въ томъ, что такой пересмотръ вызванъ былъ соображеніями политическаго порядка. Въ центральныхъ областяхъ государства для опричины были отдѣлены какъ разъ тѣ мѣстности, гдѣ еще существовало на старыхъ удѣльныхъ территорияхъ землевладѣніе княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Опричина дѣйствовала среди родовыхъ вотчинъ князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ и Ростовскихъ (отъ Ростова до Чаронды), князей Стародубскихъ и Суздальскихъ (отъ Суздаля до Юрьева и Балахны), князей Черниговскихъ и иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ. Эти вотчины постепенно входили въ опришнину: если сравнимъ перечни княжескихъ вотчинъ въ извѣстныхъ указахъ о нихъ царскомъ 1562 года и „земскомъ“ 1572 года, то увидимъ, что въ 1572 году

въ вѣдѣніи „земскаго“ правительства остались только вотчины Ярославскія и Ростовскія, Оболенскія и Мосальскія. Тверскія и Рязанскія; всѣ же остальные, названныя въ „старомъ государевѣ уложеніи“ 1562 года, уже отошли въ опричнину. А послѣ 1572 года и вотчины Ярославскія и Ростовскія, какъ мы уже указывали, взяты были въ государевъ „дворъ“. Такимъ образомъ мало по малу почти сплона собрались въ опричномъ управленіи старыя удѣльныя земли, исконныя владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣніе Грознаго. На этихъ-то владѣльцевъ и долженъ былъ пасть всею тяжестью затѣянный Грознымъ пересмотръ землевладѣнія. Однихъ Грозный сорвалъ съ старыхъ мѣстъ и развѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ; другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ. Въ завѣщаніи Грознаго находимъ многочисленныя указанія на то, что государь бралъ „за себя“ земли служилыхъ князей; но всѣ эти и имъ подобныя указанія, къ сожалѣнію, слишкомъ мимолетны и кратки, чтобы дать намъ точную и полную картину потрясеній, пережитыхъ въ опричинѣ княжескимъ землевладѣніемъ. Сравнительно лучше мы можемъ судить о положеніи дѣлъ въ Заоцкихъ городахъ по верхней Окѣ. Тамъ были на исконныхъ своихъ владѣніяхъ потомки удѣльныхъ князя Одоевскіе, Воротынскіе, Трубецкіе и другіе; „еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ и веля отчины подъ собою имѣли“, говоритъ о нихъ извѣстная фраза Курбскаго. Когда въ это гнѣздо княжата вторгся съ опричною Грозный, онъ нѣкоторыхъ изъ княжатъ взялъ въ опричную „тысячу головъ“: въ числѣ „воеводъ изъ опришнины“ дѣйствовали, напримѣръ, князя Ѳеодоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій. Другихъ онъ исподволь сводилъ на новыя мѣста; такъ князю Михаилу Ивановичу Воротынскому уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ учрежденія опричнины данъ былъ Стародубъ Рязановскій вмѣсто его старой вотчины (Одоева и другихъ городовъ); другіе князья съ верхней Оки получаютъ земли въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и другихъ. Результаты такихъ мѣропріятій были многообразны и важны. Если мы будемъ помнить, что въ опричное управленіе были введены, за немногими и незначительными исключеніями, всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ ранѣе существовали старыя удѣльныя княжества, то поймемъ, что опричина подвергла систематической ломкѣ вотчинное землевладѣніе служилыхъ княжатъ вообще, на всемъ его пространствѣ. Зная истинныя размѣры опричнины, мы увѣримся въ полной справедливости

словъ Флетчера о князатахъ (въ IX главѣ), что Грозный, учредивъ опричнину, захватилъ ихъ наследственные земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ князатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Теперь, прибавляетъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаниіи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется виднымъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ ¹⁾. По нашему мнѣнію, это очень точное опредѣленіе одного изъ послѣдствій опричнины. Другое послѣдствіе, вытекавшее изъ тѣхъ же мѣропріятій, было не менѣе важно. На территории старыхъ удѣльных владѣній еще жили старинные порядки и рядомъ съ властью московскаго государя еще дѣйствовали старые авторитеты. „Служилые“ люди въ XVI вѣкѣ здѣсь служили съ своихъ земель не одному „великому государю“, но и частнымъ „государямъ“. Въ серединѣ столѣтія въ Тверскомъ уѣздѣ напримѣръ, изъ 272 вотчинъ не менѣе чѣмъ съ 53-хъ владѣльцы служили не государю, а князю Владиміру Андреевичу Старицкому, князьямъ Оболенскимъ, Микулинскимъ, Мстиславскому, Ростовскому, Голицыну, Курлятеву, даже простымъ боярамъ; съ нѣкоторыхъ же вотчинъ и вовсе не было службы. Понятно, что этотъ порядокъ не могъ удержаться при перемѣнахъ въ землевладѣніи, какія внесла опричнина. Частные авторитеты поникли подъ грозою опричнины и были удалены; ихъ служилые люди становились въ непосредственную зависимость отъ великаго государя, а общій пересмотръ землевладѣнія привлекалъ ихъ всѣхъ на опричную государеву службу, или же выводилъ ихъ за предѣлы опричнины. Съ опричною должны были исчезнуть „воинства“ въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми князата раньше прихо-

---

¹⁾ Having thus pulled them, and seased all their inheritaunce, landes, priviledges etc., save some verie small part which he left to their name, hee gave them other landes of the tenour of *pomestnoy* (as they call it), that are helde at the emperours pleasure, lying farre of in an other countrey; and so removed them into other of his provinces, where they might have neyther favour nor authoritie, not being native nor well knowen there. So that now these of the chiefe nobilitie (called *udelney knasey*) are equalled with the rest: save that in the opinion and favour of the people they are of more account, and keepe stil the prerogative of their place in al their publike meetings (Giles Fletcher, Chap. IX, 3—въ изданіи E. A. Bond „Russia at the close of the XVI century“. London. 1856, p. 34).

дили на государеву службу, какъ должны были искорениться и всё прочіе слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольностей въ области служебныхъ отношеній. Такъ, захватывая въ опричнину старинныя удѣльныя территоріи для исполненія своихъ новыхъ слугъ, Грозный производилъ въ нихъ коренныя перемѣны, замѣняя остатки удѣльныхъ переживаній новыми порядками, такими, которые равняли всѣхъ предъ лицомъ государя въ его „особномъ обиходѣ“, гдѣ уже не могло быть удѣльныхъ воспоминаній и аристократическихъ традицій. Любопытно, что этотъ пересмотръ порядковъ и людей продолжался много лѣтъ спустя послѣ начала опричнины. Очень изобразительно описываетъ его самъ Грозный въ своей извѣстной челобитной 30-го октября 1575 года на имя великаго князя Симеона Бекбулатовича: „чтобъ еси, государь, милость показалъ. ослободилъ людишокъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ: иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять;... а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и примать, и которые намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси, государь, ослободилъ прочь отсылати;... и которые похотятъ къ намъ, и ты бѣ, государь, милость показалъ ослободилъ ихъ быти у насъ безопасно и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ; а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ, государю, бити челомъ, и ты бѣ... тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходить, пожаловалъ не принималъ“. Подъ притворнымъ самоуничиженіемъ царя „Иванца Васильева“ въ его обращеніи къ только что поставленному „великому князю“ Симеону скрывается одинъ изъ обычныхъ для того времени указовъ о пересмотрѣ служившихъ людей при введеніи опричнаго порядка ¹⁾.

Въ-третьихъ, кромѣ дворцовыхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, многія волости, по словамъ лѣтописи, „государь поималъ кормленнымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его

¹⁾ Русск. Ист. Библ. III, 287. — *И. Е. Забѣлинъ*, Домашній бытъ р. царей, I, изд. 3-е, стр. 49—50 (также *Археолог. Извѣстія и Замѣтки*, 1893, № 11). — *А. Э. I*, № 225; *Временникъ М. О. Ист. и Др.*, XX, стр. 41. — *Грам. Колл. Экон.*, Костром. уѣздъ, № 144—5111. — *А. И. I*, № 154, стр. 268 и 270. — *С. В. Рождественскій*, Служилое землевладѣніе въ Московск. государствѣ XVI вѣка, стр. 200—215. — *Сказанія князя Курбскаго*, изд. 3-е, стр. 87. — *Доп. А. И. I*, стр. 389. — *С. М. Середонинъ*, Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 86, 89 — 93. — *И. И. Ланге*, Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. М. 1894, стр. 74, 228. — *С. М. Соловьевъ*, *Ист. Россіи* (компактн. изд.), II, 180; также *Записки Отд. Слав. и Русск. Археологіи Имп. Русск. Археол. Общества*, II, стр. 371 (здѣсь текстъ менѣе исправенъ).

государской обиходъ. жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опричнинѣ". Это—вѣрное, но не полное указаніе гѣтониси на доходъ съ опричныхъ земель. Кормленный окупъ—спеціальный сборъ, своего рода выкупной платежъ волостей за право самоуправленія, установленный съ 1555—1556 года. Мы знаемъ, что нигдѣ не ограничивались доходы опричнины. Въ опричнину поступали, съ одной стороны, прямыя подати вообще, а съ другой и разнаго рода косвенные налоги. Когда былъ взятъ въ опричнину Симоновъ монастырь, ему было велѣно платить въ опричнину „всякія подати“ („и яскія и приметныя деньги и за городовое и за засѣчное и за ямчужное дѣло“—обычная формула того времени). Когда въ опричнину была взята Торговая сторона Великаго Новгорода, то опричные дьяки стали на ней вѣдать всѣ таможенные сборы, опредѣленные особою таможенною грамотою 1571 года. Такимъ образомъ нѣкоторые города и волости были введены въ опричнину по соображеніямъ финансовымъ: назначеніемъ ихъ было доставлять опричнинѣ отдѣльные отъ „земскихъ“ доходы. Разумѣется, вся территория опричнины платила искони существовавшіе на Руси „дани и оброки“, особенно же волости промышленнаго Поморья, гдѣ не было помѣщиковъ; но главнѣйшій интересъ и значеніе для опричной царской казны представляли крупныя городскія посады, такъ какъ съ ихъ населенія и рынковъ поступали многообразныя и богатѣйшіе сборы. Интересно посмотрѣть, какъ были подобраны для опричнины эти торгово-промышленныя центры. Къ нѣкоторымъ, кажется, безспорнымъ и не лишеннымъ значенія выводамъ можетъ привести въ данномъ случаѣ простое знакомство съ картою Московскаго государства. Нанеся на карту важнѣйшіе пути отъ Москвы къ рубежамъ государства и отмѣтивъ на картѣ мѣста, взятыя въ опричнину, убѣдимся, что въ опричнину попали всѣ главныя пути съ большею частью городовъ, на нихъ стоящихъ. Можно даже, не рискуя впасть въ преувеличеніе, сказать, что опричнина распорядилась на всемъ пространствѣ этихъ путей, исключая развѣ самыхъ порубежныхъ мѣстъ. Начнемъ съ сѣвера. Главный путь на сѣверъ къ Бѣлому морю, шедшій черезъ знаменитую Александрову слободу, съ самаго начала опричнины попалъ въ ея составъ. На узловой пунктъ этого пути, Вологду, Грозный обратилъ свое особое вниманіе, жилъ въ ней и построилъ тамъ каменный кремль. Обѣ вѣтви этого пути отъ Вологды на сѣверъ, Онега и С. Двина, также были въ опричнинѣ: на Сухонѣ и Двинѣ опричными были города: Тотьма, Устюгъ, Сольвычегодскъ, Холмогоры и новый

Архангельскій городъ; сюда же тянула и Важская земля. На Онегѣ опричнымъ былъ Каргополь и волость Чаронда, лежавшая на волокахъ отъ Онеги къ Бѣлоозеру и Вологдѣ. Недаромъ англичане, имѣвшіе дѣла съ сѣверными областями, просили о томъ, чтобы и ихъ вѣдали въ опричиннѣ; недаромъ и Строгановы потянулись туда же: торгово-промышленный капиталъ, конечно, нуждался въ поддержкѣ той администраціи, которая вѣдала край, и, какъ видно, не боялся тѣхъ ужасовъ, съ которыми у насъ связывается представленіе объ опричиннѣ. Опричиннѣ, далѣе, принадлежали все пути, ведшіе отъ Москвы на Балтійское море и лежавшіе въ предѣлахъ „опричныхъ“ Бѣжецкой и Обонежской пятинъ. Это были, во-первыхъ, извѣстные пути на Новгородъ, связанные со Мстою, а во-вторыхъ, путь на Тихвинъ черезъ Дмитровъ о которомъ въ XVII вѣкѣ говорили, что то „дорога изъ-за рубежа старинная, прямая: отъ Орѣшка... рѣками прѣбѣгаютъ на Тихвину, а съ Тихвины ѣдутъ къ Москвѣ и по городомъ на Устюжну, въ Кашинъ, въ Дмитровъ“. Даже тотъ путь къ Новгороду, который шелъ по Деревской пятинѣ и черезъ Старую Русу, былъ въ распоряженіи опричины, такъ какъ ей принадлежалъ крупнѣйшій и важнѣйшій городъ на этомъ пути Старая Руса. Владѣя Русою, Новгородомъ (именно Торговою его стороною) и Ладожскимъ порогомъ, опричина могла распоряжаться всею торговымъ движеніемъ на западъ, на берега Балтійскаго моря, и обратно, не захватывая въ свои руки порубежныхъ мѣстъ: Невскаго устья, Нарвы съ Иванъ-городомъ, Пскова, Великихъ Лукъ. Затѣмъ, опричина владѣла и главнымъ путемъ за Литовскій рубежъ къ Смоленску, такъ какъ ей принадлежали на немъ Можайскъ и Вязьма; но и здѣсь она не брала въ свои руки порубежнаго Смоленска. Другой путь въ Литву черезъ опричные Заоцкіе города, Болховъ, Карачевъ и Сѣверу въ такой же мѣрѣ былъ подъ ея вліяніемъ, — и опять-таки пограничныя Сѣверскія мѣста не были взяты въ опричину. Совершенно то же видимъ и на восточныхъ путяхъ: въ опричиннѣ находится среднее теченіе Волги отъ Ярославля до Балахны и мѣста по Стромьинской дорогѣ (Суздаль, Шуя); но окраинные Низовые города, даже Нижній Новгородъ остаются въ „земщинѣ“. Итакъ изъ всехъ дорогъ, связывавшихъ Москву съ рубежами, развѣ только дороги на югъ, на Тулу и Рязань, оставлены опричиною безъ вниманія, думаемъ, потому, что ихъ таможенная и всякая иная доходность была не велика, а все ихъ протяженіе было въ безпокойныхъ мѣстахъ южной украины.

Изложенныя нами наблюденія надъ составомъ земель, взятыхъ въ опричнину, можно теперь свести къ одному заключенію. Территорія опричнины, слагавшаяся постепенно, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка составлена была изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства—въ Поморьѣ, Замосковныхъ и Заозкихъ городахъ, въ пятинахъ Обоonejской и Бѣжецкой. Опираясь на сѣверѣ на „великое море-окіанъ“, опричныя земли клиномъ врѣзывались въ „земщину“, раздѣляя ее надвое. На востокѣ за земщиной оставались Пермскіе и Вятскіе города, Понизовье и Рязань; на западѣ—города порубежные: „отъ нѣмецкой украины“ (Псковскіе и Новгородскіе), „отъ литовской украины“ (Великія Луки, Смоленскъ и др.) и города Сѣверскіе. На югѣ эти двѣ полосы „земщины“ связывались Украинными городами да „дикимъ полемъ.“ Московскимъ сѣверомъ, Поморьемъ и двумя Новгородскими пятнами опричина владѣла безраздѣльно; въ центральныхъ же областяхъ ея земли перемѣшивались съ земскими въ такой черезполосицѣ, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить. За земщиною оставались здѣсь изъ большихъ городовъ, кажется, только Тверь, Владиміръ, Калуга. Города Ярославль и Переяславль Залѣсскій, какъ кажется, были взяты изъ „земщины“ только въ серединѣ 70-хъ годовъ. Во всякомъ случаѣ огромное большинство городовъ и волостей въ Московскомъ центрѣ отошло отъ земщины, и мы имѣемъ право сказать, что земщинѣ въ концѣ концовъ оставлены были окраины государства. Получилось нѣчто обратное тому, что мы видимъ въ императорскихъ и сенатскихъ провинціяхъ древняго Рима: тамъ императорская власть беретъ въ непосредственное вѣдѣніе военныя окраины и кольцомъ легионовъ сковываетъ старый центръ; здѣсь царская власть, наоборотъ, отдѣляетъ себѣ въ опричнину внутреннія области, оставляя старому управленію военныя окраины государства.

Вотъ къ какимъ результатамъ привело насъ изученіе территориальнаго состава опричнины. Учрежденный въ 1565 году новый дворъ Московскаго государя въ десять лѣтъ охватилъ всѣ внутреннія области государства, произвелъ существенныя перемѣны въ служиломъ землевладѣніи этихъ областей, завладѣлъ путями внѣшнихъ сообщеній и почти всѣми важнѣйшими рынками страны и количественно сравнялся съ земщиною, если только не переросъ ее. Въ 70-хъ годахъ XVI вѣка это далеко не „отрядъ царскихъ тѣлохранителей“ и даже не „опричина“ въ смыслѣ удѣльнаго двора. Новый дворъ Грознаго царя до такой степени разросся и осложнился.

что перестала быть опричниною не только по существу, но и по официальному наименованію: около 1572 года слово „оприщина“ въ разрядахъ исчезаетъ и замѣняется словомъ „дворъ“. Думаемъ, что это не случайность а достаточно ясный признакъ того, что въ сознаніи творцовъ опричнины она измѣнила свой первоначальный видъ ¹⁾).

Рядъ наблюденій, изложенныхъ выше, ставитъ насъ на такую точку зрѣнія, съ которой существующія объясненія опричнины представляются не вполне соответствующими исторической дѣйствительности. Мы видимъ, что вопреки обычному мнѣнію оприщина вовсе не стояла „вънѣ“ государства. Въ учрежденіи опричнины вовсе не было „удаленія главы государства отъ государства“, какъ выражался С. М. Соловьевъ; напротивъ, оприщина забирала въ свои руки все государство въ его коренной части, оставивъ „земскому“ управленію рѣбжи, и даже стремилась къ государственнымъ преобразованіямъ, ибо вносила существенныя переѣны въ составъ служилого землевладѣнія. Уничтожая его аристократическій строй, оприщина была направлена въ сущности противъ тѣхъ сторонъ государственнаго порядка, которыя терпѣли и поддерживали такой строй. Она дѣйствовала не „противъ лицъ“, какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій. Говоря такъ, мы совсѣмъ не отрицаемъ тѣхъ отвратительно-жестокихъ голеній, которымъ подвергалъ въ опричиннѣ Грозный царь своихъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ враговъ. И Курбскій, и иностранцы говорятъ о нихъ много и вѣроподобно. Но намъ кажется, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязною пѣною, которая кипѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ. Непонятное ожесточеніе Грознаго, грубый произволь его „кромѣшниковъ“ гораздо болѣе затрогивали интересъ современниковъ, чѣмъ обыденная дѣятельность опричнины. направленная на то, чтобы „людшекъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людшекъ“. Современники замѣтили

¹⁾ Грамота Колл. Экон., Владимір. уѣздъ, № 46 — 1823. — А. Э. I, № 282 (срвн. № 312) и Новгородскія Лѣтописи. С.-Пб. 1879, стр. 100 — 102, 105. — Гамель, Англичане въ Россіи, стр. 89—90. — Доп. А. И. I, № 118. — А. Э. III, № 314. — А. Э. I, № 290. — С. В. Рождественскій, о. с., стр. 169—170. — Разрядная книга (Башмаковская) Имп. Русск. Археологич. Общества, лл. 410 и 420 (7080 годъ: „бояря изъ оприщины“; 7081 годъ и далѣе: „дворовые воеводы“).

только результаты этой дѣятельности—разгромъ княжескаго землевладѣнія: Курбскій страстно упрекалъ за него Грознаго, говоря, что царь губилъ князатъ ради вотчинъ, стяжаній и скорбовъ; Флетчеръ спокойно указывалъ на униженіе „удѣльныхъ князей“ послѣ того, какъ Грозный захватилъ ихъ вотчины. Но ни тотъ, ни другой изъ нихъ, да и вообще никто не оставилъ намъ полной картины того, какъ царь Иванъ Васильевичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, помимо „земскихъ“ бояръ, распоряженіе доходнѣйшими мѣстами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно „перебиралъ“ служилыхъ людшекъ, отрывалъ ихъ отъ той почвы, которая питала ихъ неудобныя политическія воспоминанія и притязанія, и сажалъ на новыя мѣста, или же совсѣмъ губилъ ихъ въ припадкахъ своей подозрительной ярости.

Можетъ быть, это неумѣніе современниковъ рассмотреть за внешними царскаго гнѣва и за самоуправствомъ его опричной дружины опредѣленный планъ и систему въ дѣйствіяхъ опричнины было причиною того, что смыслъ опричнины сталъ скрытъ и отъ глазъ потомства. Но есть этому и другая причина. Какъ первый періодъ реформъ царя Іоанна оставилъ по себѣ мало слѣдовъ въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ Московскихъ приказовъ, такъ и опричина съ ея реформою служилаго землевладѣнія почти не отразилась въ актахъ и приказныхъ дѣлахъ XVI вѣка. Переводя области въ опричинну, Грозный не выдумывалъ для управленія ими ни новыхъ формъ, ни новаго типа учреждений; онъ только поручалъ ихъ управленію особымъ лицамъ—„изъ двора“, и эти лица изъ двора дѣйствовали рядомъ и вмѣстѣ съ лицами „изъ земскаго“. Вотъ почему иногда одно только имя дьяка, скрѣпившаго ту или другую грамоту, показываетъ намъ, гдѣ дана грамота, въ опричинѣ или въ земщинѣ; или же только по мѣстности, къ которой относится тотъ или другой актъ, можемъ мы судить, съ чѣмъ имѣемъ дѣло, съ опричнымъ ли распоряженіемъ, или съ земскимъ. Далекое не всегда въ самомъ актѣ указывается точно, какой органъ управленія въ данномъ случаѣ надо разумѣть, земскій или дворовый; просто говорится: „Большой Дворецъ“, „Большой Приходъ“, „Разрядъ“ и лишь иногда прибавляется пояснительное слово, въ родѣ: „изъ земскаго Дворца“, „дворовый Разрядъ“, „въ дворовый Большой Приходъ“. Равно и должности не всегда упоминались съ означеніемъ, къ какому порядку, опричному или земскому, онѣ относились: иногда говорилось, напримѣръ: „съ государемъ

бояре изъ опришнина“ „дворецкій Большого земскаго Дворца“, „дворовые воеводы“, „дьякъ Розряду двороваго“ и т. д.; иногда же лица, завѣдомо принадлежащія къ опричнинѣ и къ „двору“, именуются въ документахъ безъ всякаго на то указанія. Поэтому нѣтъ никакой возможности дать опредѣленное изображеніе административнаго устройства опричнины. Весьма соблазнительна мысль, что отдѣльныхъ отъ „земщины“ административныхъ учрежденій опричнина и вовсе не имѣла. Былъ, кажется, только одинъ Разрядъ, одинъ Большой Приходъ, но въ этихъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ разнымъ дьякамъ поручались дѣла и мѣстности земскія и дворовыя порознь, и не одинаковъ былъ порядокъ доклада и рѣшенія тѣхъ и другихъ дѣлъ. Такъ въ Разрядѣ въ 1574—1576 гг. земскими дьяками были Щелкаловы, а дворовыми—Андрей Шерефединовъ и Андрей Арцыбышевъ. Первые вели свои обычные доклады черезъ думу (почему и были „думными“)-вторые черезъ „дворъ“. Это, разумѣется, наши гаданія, но они нахо, дятъ себѣ нѣкоторую опору въ словахъ лѣтописи, что, учреждая опричнину, Грозный „конюшему и дворецкому и казначеемъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людямъ велѣлъ *быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ*, а о большихъ дѣлѣхъ приходити къ бояромъ“. Очевидно, что старый административный механизмъ не былъ разрушенъ опричниною. Въ немъ все осталось на своихъ мѣстахъ и все по-старому обращалось „о большихъ дѣлѣхъ“ къ боярской думѣ — къ боярамъ, которымъ государь „велѣлъ быти въ земскихъ: князю Ив. Дм. Бѣльскому, князю Ив. Ѳед. Мстиславскому и *всѣмъ бояромъ*“. Дума сама рѣшала всѣ обычные „большія“ дѣла, о дѣлахъ же экстренной важности должна была докладывать государю: „а ратныя каковы будутъ вѣсти или земскія великія дѣла. и бояромъ о тѣхъ дѣлѣхъ приходити къ государю, и государь, приговора съ бояры, тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити“. Такъ лѣтопись опредѣляетъ порядокъ вершенія дѣлъ въ земщинѣ, порядокъ старый, привычный и понятный. Все, что перешло въ опричнину, было изъято изъ этого порядка въ томъ смыслѣ, что было выведено изъ подчиненія „земскимъ“ боярамъ, то-есть, боярской думѣ. Дѣла „опришнина“ восходили къ государю мимо думы; но, кажется, шли они изъ тѣхъ же приказовъ. По лѣтописи, въ опричнинѣ не было устроено особыхъ, параллельныхъ земскимъ, приказовъ, а только были „учинены“ особо „всякіе приказные люди“. По актамъ также нельзя прослѣдить существованія отдѣльныхъ „приказныхъ избъ“ въ опричнинѣ, такихъ, гдѣ бы дѣйствовалъ особый штатъ дьяковъ: напротивъ, по мѣстическому дѣлу В. Зюзина съ Ѳ. Нагимъ (1576 г.) видно, что кан-

целяря и архивъ Разряда и Четей не были раздѣлены между земщиною и новымъ „дворомъ“. Но и акты, согласно съ лѣтописью, свидѣтельствуя, что были особые „опричные“ и „дворовые“ приказные люди. Отсюда у насъ и возникаетъ предположеніе, что при единствѣ присутственныхъ мѣстъ существовалъ двойкій служебный штатъ. Одна его часть вѣдала дѣла, подчиненныя боярской думѣ въ земщианѣ; другая вѣдала дѣла „дворовыя“, изъятая изъ вѣдомства думы. Исслѣдователямъ еще предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ размежевывались дѣла и люди въ такомъ близкомъ и странномъ сосѣдствѣ. Намъ теперь представляется неизбѣжною и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы вѣримъ, будто бы Грозный заповѣдалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ людей. А между тѣмъ не видно, чтобы правительство XVI вѣка считало дворовыхъ и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія. Такъ, въ 1570 и въ 1571 годахъ на „берегу“ и украинѣ противъ татаръ были земскіе и „опришнинскіе“ отряды и имъ было велѣно дѣйствовать вмѣстѣ, „гдѣ случится сойтись“ земскимъ воеводамъ съ опришнинскими воеводами. Въ 1570 году въ Новгородъ вмѣстѣ пріѣхали посланные подъ Колывань воеводы: земскій Иванъ-Хиронъ Петровичъ Яковлевъ и опричный Вас. Ив. Умноной-Колывчевъ; вмѣстѣ же отправились они и изъ Новгорода, а во время пребыванія въ Новгородѣ опричный воевода съ своего двора „всегда ѣздилъ изутра ко Ивану Петровичу“, земскому воеводѣ, на его дворъ. Въ 1577 году „послалъ государь дворянъ изъ земского въ розные города, высылати на государеву службу дѣтей боярскихъ“; эти „дворяне изъ земскаго“ отправлены были, между прочимъ, въ Обонежскую и Бѣжецкую пятины и въ города Суздаль, Галичъ и Кострому, которые съ уѣздами были взяты въ опричнину, а стало быть, и населены не „земскими“ боярскими дѣтьми¹⁾. Всѣ подобныя факты наводятъ на мысль, что отношенія между

¹⁾ С. М. Соловьевъ, II, 167; В. О. Ключевскій, Боярск. дума, 1882, стр. 349. 368.—А. Н. Ясинскій, Сочиненія князя Курбскаго. К. 1889, стр. 180 и слѣд.—Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3-е, глава VII „Исторія Іоанна“ (и стр. 192).—Разрядная книга (Башмаковская), т. 529, 410, 420.—А. Э. I, № 312 и № 318; Доп. А. И. I, № 225.—Арх. Досиной, Описаніе Соловецкаго монастыря, III, стр. 33.—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1894, апрѣль, стр. 195 (статья М. А. Дьяконова).—Н. П. Лихачевъ, Разрядные дѣянія XVI вѣка, стр. 467—475.—Русск. Ист. Библ., III, 257.—Др. Росс. Вивл. XIII, 400, и Башмаковск. разр. книга, т. 403 об., 476.—Новгородскія лѣтописи, 101.—Не умѣемъ истолковать, что значитъ возвратъ въ земщину и старымъ владѣльцамъ нѣкоторыхъ мѣстъ, взятыхъ въ опричнину. Напримѣръ, Шуя въ 1566 году была взята

двумя частями своего царства Грозный строилъ не на принципѣ взаимной вражды, и если отъ опричины, по словамъ Ив. Тимоеева, произошла „земли всей великъ расколъ“, то причины этого лежали не въ намѣреніяхъ Грознаго, а въ способахъ ихъ осуществленія. Единъ только эпизодъ съ вокняженіемъ въ земщину Симеона Бекбулатовича могъ бы противорѣчить этому, если бы ему можно было придавать серьезное значеніе и если бы онъ ясно указывалъ на намѣреніе отдѣлить „земщину“ въ особое „великое княженіе“. Но, кажется, это была кратковременная и совѣмъ невыдержанная проба раздѣленія власти. Симеону довелось сидѣть въ званіи великаго князя на Москвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. При этомъ, такъ какъ онъ не носилъ царскаго титула, то не могъ быть и вѣнчанъ на царство; его просто, по словамъ одной разрядной книги, государь „посадилъ на великое княженіе на Москвѣ“, можетъ быть, и съ нѣкоторымъ обрядомъ, но, конечно, не съ чиномъ царскаго вѣнчанія. Симеону принадлежала одна тѣнь власти, потому что въ его княженіе рядомъ съ его грамотами писались и грамоты отъ настоящаго „царя и великаго князя всея Руси“, а на грамоты „великаго князя Симеона Бекбулатовича всея Руси“ дѣяки даже не отписывались, предпочитая отвѣчать одному „государю князю Ивану Васильевичу Московскому“. Словомъ, это была какая-то игра или причуда, смыслъ которой неясенъ, а политическое значеніе ничтожно. Иностранцамъ Симеона не показывали и о немъ говорили сбивчиво и уклончиво: если бы ему дана была дѣйствительная власть, врядъ ли возможно было бы скрыть этого новаго повелителя „земщины“¹⁾.

въ опричину, а въ 1576-мъ вѣдается земскимъ великимъ княземъ Симеономъ (Русск. Ист. Библ. III, 255; А. И. I, № 195). Симоновскія села Кузезино, Датлово, Демьяново были взяты отъ монастыря въ опричину, а въ концѣ столѣтія опять стали монастырскими (С. В. Рождественскій, о. с., стр. 179—180; грам. Колл. Экз., Галицкій уѣздъ, № 35 — 3365; А. И., II, №№ 336, 339, 343). Вотчина братьевъ Зубатыхъ въ Костромскомъ уѣздѣ выѣстъ съ Костромою въ 1567 году была взята на государя, а черезъ десять лѣтъ имъ возвращена (С. В. Рождественскій, о. с., стр. 269).

¹⁾ Русск. Ист. Библ. XIII, 272.—Башмаковская разрядная, л. л. 455, 458, 477.—С. М. Середонина, о. с., стр. 80.—Русск. Ист. Сборн., изд. Погодинымъ, V, стр. 20 и 22.—Чтенія въ Имп. О. И. и Др., 1876, III, Дан. Принцъ изъ Бухова, стр. 29, 53—56.—Ю. Толстой, Россія и Англія, 174—188.